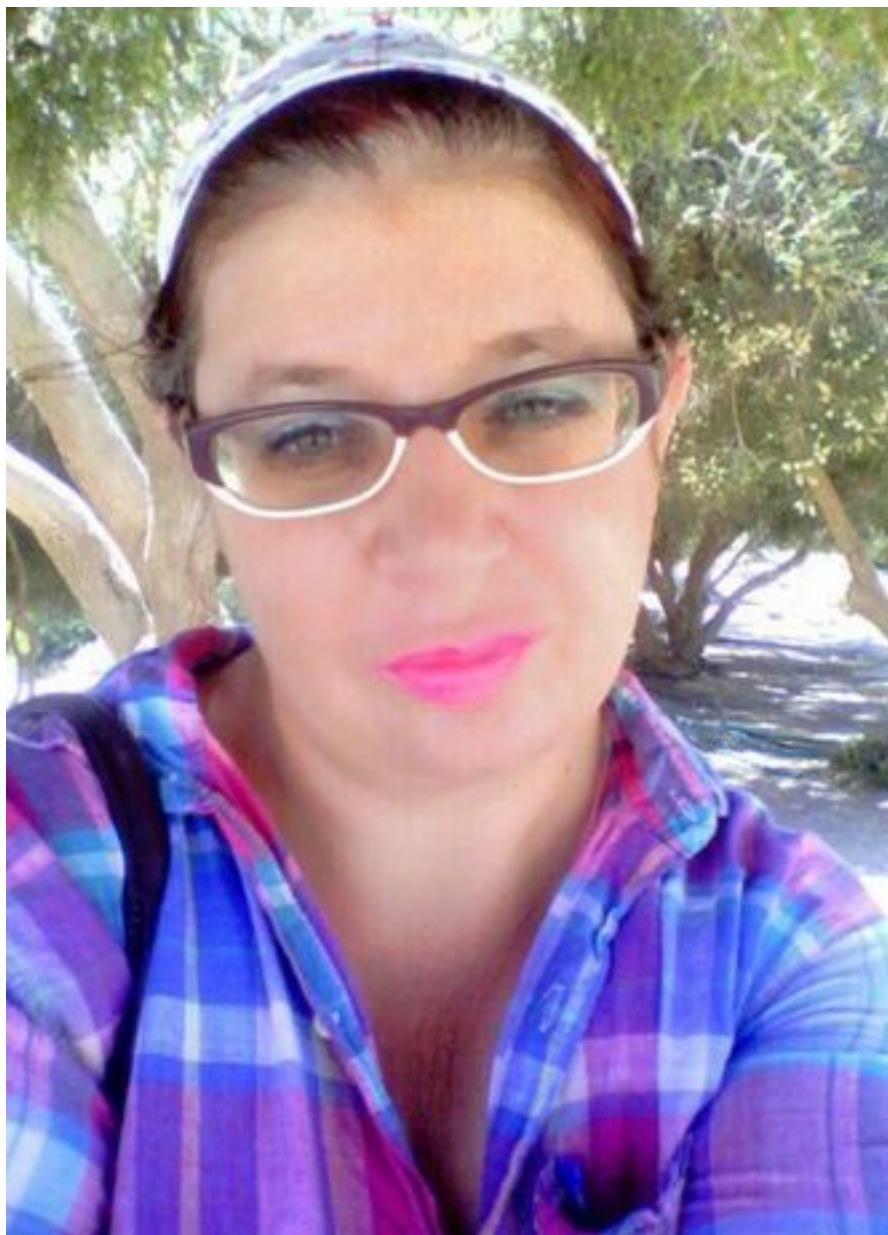

Живет в Кирьят-Арба (Израиль). Визитная карточка участника.

* * *

А в зайце утка, а в утке яйцо...
И весь дуб утопает в обманном хмелю.
На пальце самое простое кольцо,
Чтобы не догадались, как я люблю.
С губ спадают обыденные слова.
Не стоит кричать, что слово - моя игла,
Море и небеса, H₂O, O₂...

Да что вы?! Это просто тетрадь на краю стола.
Потому что можно долго царапать кору,
Выщипывать перья у птицы и зайца гонять...
Но если нечаянно повредить иглу,
Кто меня, покореженную, захочет принять...

* * *

(из цикла "Диван с акцентом")

Газели, касыды, пустые обиды,
Как столики в бедных кафешках Тавриды,
Как дальнее детство и брошенный сад,
Как мир не держащие кариатиды,
Как темные окна в невзрачных домах,
По дальним селеньям проходим без гида.
Да что там без гида - молчит Джи пи эс,
Молчит, будто он на задворках Аида,
Где слышен сквозь облачность Цербера хрип,
Копейка старинная цвета коррида
Бежит по дороге, нескладно скрипя,
Туда, где кончаются детства обиды,
Туда, где шуршит беспокойно прибой
И дядька малюет нелепые виды
С водой неживую, водой голубой.
А можно еще туда, где шахиды,
Шайтаны, оборванные провода,
Колючки заборов, покорность мюридов
И мерная неголубая вода.
А можно туда, где дух Маймонида
Ловит ласковый ветер Кинерета,
Где под уродливым памятником странного вида
Молятся, не слыша гудков пролетающих ангелов
"Верю полною верой"... А вера полней, чем обида?

Не сложилось

Тот, к кому я бежала, не чуя ног под собой,
Мимо кустов туманных, призрачно-сизых,
Был, вероятно, способен и на разбой
И на прыжок под ручку со мной с карниза.
Он Блока читал под музыку Депеш Мод
И говорил, что нервы его - канаты,
Истрепанные до ниток в районе высот
Где-то у города поэтов Герата.
И с тех пор все по ниточке, косяк под рукой,

Сладковатый запах марихуаны,
Ночь, зовущая если не на разбой,
То уж точно - в паутины тумана.
И с тех пор - все на грани, а мне - бежать,
Потому что на нитках мне места мало,
Потому что попробуйте уважать
Сильного, истрепанного в мочало.
Он все время пытался писать стихи
И сердился, что у меня выходило складнее,
Но не лучше. Он хвалился, что из лихих,
Из железных, сгибаясь летом от суховея,
Зимой - от вьюги, мрачней в студеную ночь,
Прижимаясь от ветра к ребрам обочин.
А я так металась, стараясь ему помочь,
До онемения пальцев, до боли височной.
Тот, кого я предала заранее, не полюбив,
Не успевал на маршрутки и в рукаве согревал гвоздики,
Курил в подъездах и, всякую пакость испив,
Погружался в сон, прохладный и светлоликий,
Такой, каким был бы, не побывав под Гератом,
Не ознакомившись с рыже-красным орнаментом
Тамошних гор, не назначив себе супостата,
Не отбивши бока на постелях каменных.
Он был таким - что мудрее всего предать
И отпустить в мутнящую завирюху,
Где ветры орут до полуночи мать-перемать,
Ежeminутно давая прохожим плюху
Мокрой крупой. Я при чем? Он был не моим.
Вечно простужен, а мне бы - резкого ветра,
Ненавидел юга, а я обожала Крым.
Видит Бог, мы все равно разбежались бы к лету.
Поэтому я его отпустила в пургу,
Которая выла, ларечные крыши калеча
И никого не пугая, но все забыть не могу,
Как он сутулил когда-то широкие плечи.

[Страница автора в Сети](#)

